0- 789155

На правах рукописи

Липич Тамара Ивановна

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В ДИАЛОГЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Белгород 2011

Работа выполнена на кафедре философии ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный консультант — доктор философских наук, профессор **Римский Виктор Павлович**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор **Королева Людмила Георгиевна**

доктор философских наук, профессор **Маслин Михаил Александрович**

доктор философских наук, доцент **Усачев Александр Владимирович**

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ
0000660924

Ведущая организация — **ГОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»**

Защита состоится 30 сентября 2011 г. в 14.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «___» _____2011 г.

Автореферат размещен на сайте: http://www.bsu.edu.ru

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, профессор В.Н. Шилов

0- 789155

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Формирование национальной философской культуры является одной из ведущих составляющих развития любой страны. Важнейшее значение для оценки состояния философской культуры имеет не абстрактное сопоставление различных типов философской деятельности, а конкретный анализ самого процесса производства философского знания в рассматриваемую эпоху. Эволюция мировой культуры с исторической закономерностью доказывает, что каждый народ имеет свое время и свой интеллектуальный багаж для зарождения национальной философии (или ее воспроизводства по мировым образцам). Пробуждению такого самосознания предшествует определенный культурно-исторический опыт.

Специфика становления русской философии, её самобытность, отличие от западноевропейской стали предметом интеллектуальной рефлексии уже в XIX веке. Для нас это становится особенно актуальным в переломную историческую эпоху, когда возникает потребность в осмыслении собственной истории, осознании своей национальной идентичности. Однако национальная самобытность предполагает культурную открытость как «вызовам» времени, так и инокультурному влиянию, диалог с другими культурами в общечеловеческом контексте.

В современном гуманитарном знании приобретает особый интерес проблема национального философского дискурса (метафоричность русского философского языка и поэтичность мышления, формирование концептов, отражающих общефилософский категориально-понятийный аппарат в русской языковой «телесности», уникальность культурно-философского контекста, стремление к преодолению духовной разобщенности и т.д.). В связи с этим возрастает актуальность научной разработки вопросов, связанных с выявлением, описанием, объяснением и пониманием различных форм взаимодействия отечественной философии и литературы в общеевропейском культурном контексте.

Изучение диалога сегодня становится как никогда актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания, культуры в целом раздвигает границы общения между народами, государствами и цивилизациями. Это способствует тому, что возрастает необходимость лучшего познания собственной национальной культуры, способствует пониманию собственной самоидентификации. Именно поэтому анализ диалога литературы и философии в культурном пространстве России и Германии первой половины XIX века определяет актуальность нашей диссертации.

В реферируемой работе предпринято исследование становления отечественного литературно-философского дискурса первой половины XIX века сквозь призму диалога с немецкой романтической и классической философией. В контексте данного диалога выявляется интерпретация основных идей немецкой философии в творчестве русских писателей-романтиков и философов первой половины XIX века.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о взаимодействии философии и литературы в первой половины XIX века в России является малоизученным. Историки философии обращают больше внимания на становление и перспективу развития философской мысли данной эпохи, а историки литературы, в свою очередь, изучают характерные особенности литературного процесса. Но более поздняя научная рефлексия показывает, что происходящий между ними диалог фиксирует живой процесс, не отделяющий литературу от философии.

Непреходящий, устойчивый исследовательский интерес философской и филологической науки последних лет к теоретическим и методологическим вопросам романтизма как культурного феномена окончательно развеял иллюзию завершенной ясности и научной исчерпанности предмета и дал веские основания полагать, что эта философская, культурологическая и литературоведческая проблема до сих пор не утратила своей актуальности. Различным аспектам изучения русского и европейского романтизма посвящены дискуссии на страницах философской и филологической периодики, а также от-

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научная библиотека
им. Н.И.Лобачевского

дельные монографические работы (И.А. Айзиковой, Н.М. Ильченко, Ф.З. Кануновой, Л.А. Капитановой, Ю.В. Манна, В.И. Сахарова, В.Ю. Троицкого, Ф.П. Федорова, Л.А. Ходанен, В.И. Хрулева и др.). Одни исследователи рассматривают романтизм как историко-культурное явление, как *тип культурного сознания* (работы Т.Л. Шумковой, В.И. Хрулева, А.Н. Соколова, У.Р. Фохта, Н.А. Гуляева, А.М. Микешина, В.С. Турчина, В.И. Коровина, В.И. Сахарова, Д.С. Наливайко, Л.Г. Королевой и др.). Другие авторы анализируют теоретические аспекты романтизма, позволяющие глубже осмыслить природу романтических явлений, их *философско-психологическую* составляющую (например, работы Р.Г. Магиной). В последние годы романтизм рассматривается и как философско-эстетическое явление (работы Ю.В. Манна, В.И. Сахарова, Р.М. Габитовой, Н.Я. Берковского, И.В. Карташовой, В.В. Липича, В.В. Ванслова, Е.А. Маймина, Р.М. Алейника и др.). Русская культура, философия и литература не обойдены вниманием и представителями современной западной философии и русистики (Л. Бегби, А. Шёнле, Л.Г. Лейтон и др.).

Анализу *литературно-философского мифотворчества* и устремленности к созданию мифа, направленного в сферу жизни духа, присущих философскому и литературному романтизму, посвящен ряд фундаментальных исследований (работы С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, М.Ф. Овсянникова, Р.Ю. Данилевского, А.В. Михайлова, Ю.Н. Попова, И.В. Карташовой, Е.Г. Милюгиной, Л.А. Ходанен и др.).

Примечательным и положительным фактом последних десятилетий является издание в России фундаментальных трудов по истории русской философии и культуры, принадлежащих русской религиозной философии: Н.А.Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, М.О. Гершензона, В.В. Зеньковского, В.И. Иванова, А.В. Койре, К.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, Е.Н. и С.Н. Трубецких, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, Г.Г. Шпета, Б.В. Яковенко и др.

Специфика отечественной философии, а также её взаимодействие с различными философскими течениями других стран, её место и роль в мировой культуре исследуются в работах таких авторов, как А.И. Абрамов, И.А. Айзикова, Е.А. Антонов, В.Ф. Асмус, Е.В. Барабанов, П.П. Гайденко, М.Н. Громов, А.В. Гулыга, А.Э. Еремеев, А.Н. Ерыгин, З.А. Каменский, Ф.З. Канунова, А.А. Корольков, А.Ф. Лосев, Ю.В. Манн, Е.В. Мареева, М.А. Маслин, Н.В. Мотрошилова, протоирей Владимир Мустафин, А.Г. Мысливченко, С.Н. Никольский, С.Н. Носов, А.В. Панибратцев, И.Н. Сиземская, А.Д. Сухов, А.В. Усачев, С.С. Хоружий и др. Необходимо также назвать и таких известных авторов учебников и научных публикаций по русской философии, как В.П. Бабинцев, В.В. Ванчугов, А.А. Галактионов, Г.В. Драч, Б.Ф. Егоров, И.И. Евлампиев, А.А. Ермичев, А.Ф. Замалеев, М.А. Маслин, П.Ф. Никандров, П.А. Сапронов, В.Ф. Пустарнаков, В.П. Римский, К.В. Фараджев, Л.Е. Шапошников и др.

В последние годы в философско-культурологическом и философско-антропологическом аспектах были защищены кандидатские и докторские диссертации таких исследователей, как А.Л. Анисин, Ю.Л. Аркан, Г.В. Жигунова, Н.А. Каштанова, С.М. Климова, Л.Г. Королева, Н.А. Куценко, А.А. Лагунов, В.П. Попов, Л.И. Рудаков, А.Ф. Поломошнов, А.В. Усачев, И.В. Цвык и др.

Проблема диалога, диалоговых отношений в сегодняшних условиях приобретает особое значение. В связи с этим возникает необходимость обратиться к истокам диалога, его пониманию в философии и культурологии. Изучением диалога, диалогового мышления в истории философии и культуры занимались представители различных школ и направлений (Р. Барт, М.М. Бахтин, М. Бубер, А.И. Введенский, Г.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, И.И. Лапшин, Э. Левинас, К. Леви-Строс, Н.С. Трубецкой и др.).

Идеи диалогизма в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивали представители тартуско-московской культурологической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров,

Е.М. Мелетинский и др.). Сегодня многие прежние подходы к проблеме диалога претерпевают изменения (например, идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур» как формы диалога множества культур О.Н. Астафьевой). Проблемы диалога в той или иной степени затрагивают, кроме названных западных и отечественных философов, такие авторы, как В.С. Библер, Н.Л. Виноградова, И.В. Зиновьев, С.М. Климова, О.В. Ковальчук, А.С. Колесников, Л.Г. Королева, В.М. Межуев, В.П. Римский, Т.З. Уразметов и др.

Взаимодействию художественной литературы и философии, некоторым его аспектам посвящены исследования таких авторов, как А.В. Гулыга, А.Э. Еремеев, Е.А. Маймин, Ю.В. Манн, Г. Менде, А.С. Колесников, С.Н. Никольский, М.С. Розанова. Диалог философии и литературы, особенно отчетливо проявившийся в романтизме, вызвал к жизни современное осмысление этого процесса через понятие *литературно-философского дискурса*, который в современном гуманитарном знании совсем не разработан. Но само понятие дискурса с конца 70-х годов прошлого века весьма интенсивно используется как западными, так и российскими философами, лингвистами, социологами. Этим проблемам посвящены работы как зарубежных философов (Т. ван Дейк, Ж. Деррида, М. Димлер, К. Леви-Строс, Ч.У. Моррис, В.В. Мароши, П. Серио, Н. Фэркло, М. Фуко, Ю. Хабермас и др.), так и отечественных авторов (Н.Ф. Алефиренко, Б.М. Гаспаров, Г.Б. Гутнер, И.Т. Касавин, В.И. Карасик, С.М. Климова, Е.А. Кротков, Е.А. Кожемякин, М.Л. Макарова, А.П. Огурцов, Е.Ю. Прохоров, В.П. Римский, Ю.С. Степанов, И.И. Чумак-Жунь и др.).

Однако, несмотря на то, что в современной философской литературе достаточно много уделяется внимания исследованию различных аспектов русской философии, специального исследования, посвященного анализу проблемы взаимодействия и диалога философии и литературы в культурном пространстве Германии и России первой половины XIX века, до настоящего времени предпринято не было.

Исходя из всего вышесказанного, мы определили **объект исследования:** *культурное взаимодействие и диалог Германии и России в сфере философии и литературы первой половины XIX века.*

Предмет диссертационного исследования: *литературно-философский и философско-эстетический диалог культур Германии и России первой половины XIX века.*

Цель исследования: *выявить основные культурные контексты, концепты и рецепцию идей немецкой философии в литературно-философском дискурсе русского романтизма первой половины XIX века.*

Для достижения поставленной в исследовании цели предполагается решение **следующих задач:**

– определить методологический потенциал концептов «диалог», «романтизм» и «литературно-философский дискурс» в исследовании взаимодействия культур Германии и России первой половины XIX века;

– дать философскую интерпретацию культурно-эстетической доминанты романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века;

– выявить контекст немецкой классической философии в культуре России и определить её роль в формировании русского литературно-философского дискурса;

– установить общую культурную и методологическую основу формирования романтизма в Германии и России первой половины XIX века, определившую литературно-философскую и философско-антропологическую специфику русского романтизма;

– показать динамику и основания становления самобытного русского философского дискурса в контексте отечественной и мировой культуры;

– раскрыть особенности формирования славянофильства и западничества как диалогического ответа немецкой классической философии;

– проанализировать роль идей немецкой классической философии в контексте формирования литературно-философского дискурса русской критики;

– реализовать реинтерпретацию идей немецкой философии в художественном контексте и дискурсе русских поэтов-романтиков;

– интерпретировать русскую философскую прозу как результат культурного диалога с немецкой философской и литературной традицией.

Теоретико-методологические принципы исследования. Предметная область, реализация цели и задач предпринимаемого исследования потребовали использования определенной философско-методологической и историко-философской базы.

Исследование рецепции немецкой философско-литературной традиции конца XVIII – начала XIX века в русском литературно-философском дискурсе, интерпретация диалога двух великих культур потребовали применения как традиционных принципов и методов философии (историзма, диалектики логического и исторического, конкретно-всеобщего, единства онтологического и гносеологического анализа, социально-исторической обусловленности сознания и культуры), так и новых методологических практик, разработанных в контексте теории и истории культуры, культурной семиотики, дискурс-анализа, социальной эпистемологии. Диалог философии и литературы предполагает сочетание диахронного и синхронного подходов, философско-культурологической концептуализации, рассматривающей романтизм как тип культурно-исторического сознания.

Мы также используем метод интегральной истории русской философии, предполагающий ее исследование как «многообразия в единстве» (М.А. Маслин). Это обусловило, в свою очередь, обращение к методам историко-философского исследования (анализ и интерпретация первоисточников, их теоретическое осмысление, герменевтическая интерпретация текстов, биографическая реконструкция, сравнительная характеристика философских взглядов писателей и мыслителей).

Важной методологической составляющей диссертационного исследования является также источниковедческий принцип, базирующийся на целенаправленном подборе работ отечественных мыслителей, в которых их диа-

логические отношения с немецкой культурной традицией проявляются особенно четко. С этой целью мы обращаемся к творческому наследию таких русских мыслителей, как Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, Н.И. Надеждин, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, В.Г. Белинский, а также к произведениям русских поэтов и писателей (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, поэты-любомудры, В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев и др.). Одновременно с представителями отечественной литературно-философской мысли в нашем исследовании анализируются и работы классиков немецкой философии и литературы: Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, А. Шлегеля, Ф. Шлегеля, Новалиса (Фридрих фон Харденберг), Л. Тика, В.Г. Вакенродера, Ф.Д.Э. Шлейермахера.

В связи с этим в работе использовался культурно-компаративный метод, который позволил сопоставить формообразования разного культурно-системного, социально-исторического и мировоззренческого порядка. Историко-литературный принцип используется для анализа развития европейского и русского романтизма, который предполагает сочетание описательного, типологического и сравнительного методов исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые реконструирован феномен культурного диалога между Германией и Россией в его становлении и развитии и в рамках этого процесса выявлено формирование русского литературно-философского дискурса в его основных типологических формах (дискурсы русской критики, русских поэтов-романтиков и философской прозы). Это позволило диссертанту лично получить инновационные результаты, формирующие новое научное направление в исследовании истории отечественной культуры, философии и литературы:

– выделены основные категориальные смыслы концептов «диалог», «романтизм» и «литературно-философский дискурс» в контексте европейской литературно-философской мысли первой половины XIX века;

– дана философская интерпретация культурно-эстетической доминанты романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века и определено его значение в диалоге культур России и Германии;

– проанализирована рецепция немецкой классической философии в русской культуре и её роль в формировании русского литературно-философского дискурса;

– выявлена общность культурной и методологической основы формирования романтизма в России и Германии, а также литературно-философская и философско-антропологическая специфика русского романтизма;

– показана роль диалога культур как способа и формы становления и закрепления самобытного русского литературно-философского дискурса;

– раскрыты особенности концептуального формирования славянофильства и западничества как диалогического ответа немецкой классической философии;

– рассмотрен процесс становления русского литературно-философского критического дискурса в процессе русско-немецкого диалога культур;

– определена роль реинтерпретации философско-эстетических идей немецкой классической философии в литературно-философском дискурсе русских поэтов-романтиков;

– дискурс русской философской прозы исследован в качестве результата культурного диалога с немецкой философской и литературной традицией.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В нашем исследовании *диалог* понимается как универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленного на развитие оснований этого процесса и на саморазвитие его участников. Адекватным диалогическим пространством для обеих культур стал *романтизм* как специфический тип философско-эстетического сознания, стиль литературно-художественного поведения, определяющий и особую форму самосознания личности. *Литературно-философский дискурс* есть сложное, исторически и идеологически обусловленное, культурно-коммуникативное явление, порождающее систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов и контекстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы

художественно-образного и философско-рефлексивного познания и выражения мира и человека в различных языковых, творческих и коммуникативных практиках.

2. Европейский романтизм, возникший в эпоху переходности от эпохи Просвещения к зрелому Модерну и выступающий рефлексией утраты личностью оснований собственного бытия, органически связан с идеями немецкой классики. В этот период создается новый *философский дискурс*, основанный на особом способе осмысления мира, природы, Бога, где главной отличительной чертой является стремление личности к обретению своей свободы, а также проявление особого интереса к духовной истории человечества. У русского и европейского романтизма общим культурным и методологическим основанием выступает *концепция жизни*, включающая в себя возвеличивание духовного, исследование внутреннего мира человека и его бытия, а также возможности выражения и фантазии художника в представлении свободной человеческой сущности. Характерными чертами романтического дискурса являются *диалогичность, диалектичность, фрагментарность, мифологичность, религиозность, мистицизм и антропологизм.*

3. На основании анализа рецепции немецкой классической философии в академической, университетской и неакадемической, «вольной» философской мысли в России и исходя из контекста эпохи, можно выделить *три разновидности диалога*, складывающегося в русской культуре начала XIX века: это *философско-богословский диалог*, проходивший в стенах духовных академий под воздействием богословия (академический диалог); *диалог-заимствование в университетской среде*, характеризующийся большой зависимостью от немецких идей и *свободный диалог равноправных участников* в «вольной» (кружково-салонной) философии. В ходе данных диалогических практик – при *доминировании свободного диалога* – складываются *три типа дискурса* и их особое сочетание: *литературно-философские дискурсы русской критики, русских поэтов-романтиков и дискурс философской прозы.*

Это и определило формирование специфического русского литературно-философского дискурса.

4. Культурный контекст переходной эпохи конкретизировал специфику русского романтического дискурса, который не порывал полностью с европейским Просвещением, как демонстрировали немецкие романтики, но создавал предпосылки *идеализации христианства* и возможности нового прочтения и осмысления философских идей при помощи религиозно-поэтического языка. Специфика романтического дискурса проявилась в размышлениях о судьбе России и её предназначении в дискуссии славянофилов и западников. Проблема личности, преодоление её отчужденности и освобождения в немецком и русском романтизме решалась по-разному: немецкие романтики уходили в мир прошлого, фантазий, иллюзий, мечты, а русские романтики предложили в решении этой проблемы два варианта в духе соборности и общинности: *революционный* (обретение социальной и творческой свободы человека) и *религиозный* (обретение человеком веры в Бога, благодати и нравственной свободы).

5. Русский литературно-философский дискурс породил собственные и реинтерпретировал общеевропейские концепты и смыслообразы, наполненные глубокими экзистенциальными смыслами («верующий разум», «цельность духа», «святой философ», национальный дух, национальное мировоззрение, жизнь и смерть, свободное творчество, роль художника в действительной жизни, «герой» и «толпа», соотношение «красоты», «истины» и «добра» и т.п.), благодаря чему складывалось новое национальное мировоззрение. Особенностью формирования самобытного *русского философского дискурса* являлся тот факт, что отечественные писатели все кардинальные метафизические проблемы и вопросы решали *художественными средствами* в форме литературных образов, символов и нарративов, создавая письма, литературные статьи, философскую публицистику и эссеистику, стихотворные философемы и философскую прозу.

6. Обращение к Западу как «своему другому» способствовало появлению двух различных решений вопросов о судьбах России и её места в мире – это славянофилы и западники, которые выразили своеобразную «внутреннюю диалогичность» русской культуры. В качестве концептуальной оппозиции доктринам немецкой классической философии славянофилы в основу своего философского дискурса положили идею «святоотеческого православия» и «соборности», что и наделяло создаваемые ими тексты новыми смыслами, отвечающими определенному контексту эпохи (например, «положительная философия», «цельное знание», «живая вера» и т.п.). Полифонический и критический диалог между славянофилами и западниками в рамках формирующегося литературно-философского дискурса разворачивается во времени собственной культурно-исторической традиции в виде «разговора» со своим прошлым – это «единство и борьба противоположностей» в едином культурно-цивилизационном пространстве России.

7. В результате творческого диалогического переосмысления идей немецкой классической философии русские мыслители пришли к идее первостепенного развития критики по отношению к поэзии, в отличие от немецкой критики, которая возникала на основе поэзии и прозы. В литературно-философском *дискурсе русской критики* проявились новые системы смыслов, выраженные в идеях *самобытности, народности, роли художника в обществе, историческом развитии искусства, формировании вкуса публики.* В русской литературно-философской критике *произведение искусства* характеризовалось при определении его художественной значимости сквозь призму *философских смыслов*, социальная функция искусства вела к выявлению *исторических ориентиров*, восприятие его читателем – к формированию *нравственных ценностей*. Русская литература, философия и критика – единый, неразрывный дискурс, способствующий формированию целостного национального мировоззрения и самосознания.

8. В литературно-философском *дискурсе поэтов-романтиков* в результате реинтерпретации идей немецкой философии формируются концепты,

выраженные в текстах (концепты «природа», «мир», «человек», «свобода», «жизнь, «смерть» и др.), и в отечественных контекстах существенно отличные от немецких трактовок. Понятийно-образное содержание текстов русских поэтов-романтиков воплощено в смыслах и бинарных смыслообразах, каждый из которых являлся «своим другим»: бытие – небытие, бытие – хаос, природа – человек, жизнь – смерть, день – ночь. Дискурс философской поэзии и философский дискурс – единое целое, связанное концептом двоемирия, пантеистическим мироощущением, пониманием места человека в космосе и т.п. Литературно-философской дискурс русской поэзии использовал метафоры, метонимии, гиперболы, аллегории, олицетворения, перифразы, ритм, что давало возможность в коротком тексте выразить глубокие мировоззренческие и философские смыслы при помощи *чувства-идеи, чувства-мысли, идеи-переживания, идеи-поэмы.*

9. Общественно-политические и культурно-идеологические контексты «постдекабристской эпохи» способствовали формированию *дискурса философской прозы*, основными *жанрами* которого являются философский роман, философская сказка, философская новелла, философское эссе и философская повесть, а также переходные формы – притчи, басни, сатиры, лирико-философской миниатюры. Отличительными чертами дискурса философской прозы являются рефлективный характер сознания автора или повествователя, его особая философическая образность, стремление писателя выразить при помощи художественного вымысла собственные принципы мышления и отношение к миру и бытию, к объекту изображения, нравственная оценка образов и событий, использование принципа дедуктивности. Литературно-философский дискурс русских прозаиков становится *способом отечественного философствования*, приводящим *к стиранию границ между философией и литературой.*

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут способствовать дальнейшему развитию ряда тем отечественной философии, литературы, культурологии, искус-

ствоведения, дополняют общую картину становления и функционирования отечественной философии, дают возможность по-новому интерпретировать многие тексты русской философии и литературы, историю продуктивного диалога России и Европы.

Теоретическая и практическая значимость диссертации определяется ещё и тем, что она не только расширяет методологические возможности изучения историко-философского и культурного наследия, но и открывает горизонты его использования в патриотическом и духовно-нравственном воспитании.

Результаты диссертации могут быть использованы в разработке научных философских, культурологический и филологических программ и проектов, в учебных курсах по истории русской и европейской философии, философии культуры и философской антропологии, по истории и теории отечественной и мировой культуры.

Апробация диссертации. Положения и выводы диссертационного исследования получили апробацию в научных докладах и выступлениях на Международной научной конференции «Современная социально-философская культура: проблемы рационального и внерационального» (Белгород, 2002); X Харьковских международных Сковородиновских чтениях (Харьков, 2003); Международной научной конференции «Творческое наследие Н.Н. Страхова и социально-гуманитарная мысль» (Белгород, 2004); XI Харьковских международных Сковородиновских чтениях (Харьков, 2004); Региональной научной конференции «Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества» (Белгород, 2004); Международном философском конгрессе (Москва, 2005); Международной научной конференции «Культурно-цивилизационные основы развития современного российского общества в условиях глобализации» (Белгород, 2006); Международной научной конференции «Человек в изменяющейся России: философские и дисциплинарные парадигмы» (Белгород, 2006); II Международной научной конференции памяти С.Н. Булгакова «Философские, культурологи-

ческие и социально-исторические проблемы общественных наук» (Орел, 2008); Международной научно-практической конференции «Хомяковские чтения. Новые исследования в области религиозной и нравственной философии А.С. Хомякова» (Тула, 2008); III Международной научной конференции памяти С.Н. Булгакова «Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук» (Орел, 2009); Международной научной конференции «Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX века: к 180-летию со дня рождения» (Белгород, 2008); Международной научной конференции ИФ РАН «Проблемы Российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начало» (Москва – Белгород, 2010) и др.

Положения и выводы диссертации были использованы при чтении курсов лекций по философии, эстетике, спецкурса «Философия русского романтизма» для студентов философского отделения социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», в научном руководстве аспирантами. По теме диссертации опубликовано 53 научные работы, в том числе монографии и 14 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Диссертационная работа была обсуждена на кафедре философии НИУ «БелГУ» и рекомендована к защите.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав по три параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, теоретико-методологическая основа, раскрывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, отражается апробация результатов диссертационного изыскания.

Первая глава **«Рецепция немецкой философии в русской культуре первой половины XIX века: предпосылки диалога»** посвящена анализу концептов «диалог», «романтизм» и «литературно-философский дискурс» в формировании и становлении диалога культур России и Германии. В связи с

этим анализируются предпосылки диалога немецкой и русской культур, который выразился на этом этапе в виде рецепции немецкой классической философии в русском общественном сознании.

В *первом параграфе* ***«Литературно-философский дискурс и проблема диалога культур»*** рассматривается проблема специфики литературно-философского дискурса, анализируется взаимодействие литературы и философии, которое в рамках романтизма имеет сложную контекстную и дискурсную картину. В формирующемся литературно-философском дискурсе литература и философия ведут диалог, действуют по принципу взаимодополняемости. Этот диалог является источником саморазвития как литературы, так и философии, и, в конечном итоге, русской культуры. Философия, выполняющая роль мировоззрения, оказывает воздействие на литературу, на искусство, делая его более интеллектуальным, тем самым искусство выполняет роль распространителя философских идей. Но и философский текст, участвующий в этом диалоге, стремится к литературно-поэтическому выражению, то есть философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы глубже и разнообразнее выразить бытие человека, его внутренний мир.

Любые культурно-коммуникативные практики являются диалогом культур в самом широком смысле слова. Поэтому литературно-философский дискурс по своей природе диалогичен, так как в него вовлечены высказывания и тексты, оказывающие как непосредственное, так и опосредованное, контекстуальное воздействие. Философские и литературные концепты всегда связаны с текстами и контекстами определенной исторической эпохи, а также с людьми, эти тексты создающими. И литераторы, и философы обращаются к образам как конкретным представлениям в их чувственном обличии, к так называемым смыслообразам (время, мир, хаос, вечность, смерть, бытие, ночь, день и т.п.), в которых соединяются чувственность и абстрактность, схватывание и овладение реальностью предметного мира. У каждого автора придание этому миру экзистенциального смысла уникально и неповторимо.

В свою очередь, понимание смысла, его интерпретация связаны с переводом высказывания на иной язык, то есть с его перекодировкой, с творческим овладением текстом или произведением. Поэтому интерпретация и переинтерпретация текстов часто привносят некие субъективные смыслы. Смысл – это не только то, что вложил в него автор текста, но и то, что из него извлек толкователь. Следовательно, важно учитывать контексты, в которых создавались эти смыслы, и в которых они читались и толковались. Поэтому произведения, включенные в контексты и культурно-коммуникативные практики, то есть в определенные дискурсы, содержат в себе множество смыслов. Благодаря этому они оказываются способными видоизменяться, обогащаться в различных контекстах восприятия. Смысл дискурса зависит от смыслов литературно-философских текстов. Это же относится и к созданию так называемых «вторичных текстов», которые выступают продуктами текстуального дискурса.

Автор отмечает, что в первой половине XIX века Россия энергично осваивала европейский теоретический опыт, сложную послереволюционную действительность, а также осмысливала собственную, для чего ей понадобились глубокие теоретические наработки немецкой философии. В этой ситуации литература начинает выполнять широкие теоретические и практические функции в обществе. Именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, философа и художника, а последнего побуждал философствовать. Прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения как теоретические, так и поэтические в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Диалог философии и литературы порождает в переломную историческую эпоху своеобразный литературно-философский дискурс, который оказывает определенное влияние на развитие всей культуры.

В рамках взаимодействия культур Германии и России начала XIX века выявляется роль диалога культур, способствующего формированию литературно-философского дискурса, который в свою очередь обогащал и раздвигал рамки этого диалога. Дискурс связывал в коммуникативных практиках различные стороны бытия людей, и, в свою очередь, давал возможность для плодотворного диалогического общения, способствующего преодолению духовной разобщенности и выработке адекватного осмысления самих себя. Наиболее плодотворно осуществлялся диалог культур в *романтизме,* который понимается как одно из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества, особый тип философско-исторического осмысления мира, эстетического сознания и литературно-художественного поведения, форма самосознания личности. Романтизм – это сформировавшийся на определенном историческом этапе своеобразный литературно-философский дискурс, являющийся результатом диалога культур, и в свою очередь, порождающий этот диалог.

В диссертации отмечается, что литературно- философские концепты в текстах романтиков как немецких, так и русских, создавались в определенных социокультурных контекстах, которые играли огромную роль в интерпретации этих текстов. Другими словами, любое высказывание или текст вне контекста приобретали у них абстрактный характер, а благодаря интерпретации в определенной системе мнений и знаний о мире, они становились конкретными, принимали определенный смысл. Поэтому для анализа философско-литературных текстов романтиков важно понимать контекст, в котором создавались эти произведения, и, еще шире – дискурс, так как он немыслим вне текста и контекста.

В русской культуре на основе осмысления определенных литературно-философских текстов немецких романтиков идет их своеобразная переинтерпретация и создание «вторичных текстов», например, тексты любомудров, русских романтиков. На основании этого дискурс способствует тому, что один текст может выступать контекстом другого, а также придавать смысл

тексту и окружающему миру. Это является общим и для литературного, и для философского дискурсов, так как понимание сути предметов, и в целом мира, связано с интуитивным их постижением и интерпретацией, где интуитивное знание переоформляется в рациональное.

Во *втором параграфе* «***Философско-эстетическая доминанта романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века***» анализируется понятие романтизма и его роль в становлении и развитии общеевропейской культуры. В диссертации отмечается, что романтизм как общественно-культурное движение начала XIX века охватывает и литературу, и философию, и музыку, и религию, и естествознание, и живопись, и архитектуру. Романтическая литература, философия, музыка, живопись открыли богатство внутреннего мира человека, надолго определили пути развития мировой культуры. Поэтому вполне оправдано рассмотрение романтизма как целостного культурного явления времени, как общеевропейского философского порыва, как эстетической и художественной доминанты эпохи. Мы также считаем, что романтизм необходимо рассматривать в рамках социокультурных, культурно-коммуникативных, экзистенциальных и других контекстов эпохи, порождающих новые смыслы в теоретических, философских построениях и художественной практике романтиков. Такой подход позволяет рассматривать романтизм как исторически закономерный и неизбежный этап на путях художественного развития человечества.

Идеология эпохи, связанная с разочарованием в просвещенческих идеалах и Французской революции, порождала новые смыслы, отражающиеся в текстах романтиков и обладающие концептуальностью, новым духовно-практическим освоением мира, где с особым вниманием рассматривается отдельная личность, её внутренний мир. Мировоззрение романтиков, представлявшее целую эпоху культурной жизни, положило начало не только романтической традиции в искусстве, но и особому способу философствования. Другими словами, философская среда романтизма, связанная с идеями немецкой классики создавала новый философский дискурс, основанный на

особом художественном способе осмысления мира, природы, где главной отличительной чертой является стремление личности к обретению своей свободы, а также особым интересом к духовной истории человечества.

В культурно-коммуникативных практиках, в философско-эстетических текстах романтиков на первое место выходит не объект, а субъект, личность. Опора делается на возможности творческого сознания человека, его стремление опередить конкретно-историческое развитие мира и представить свои идеалы как единственно достойные личности. Романтики сосредотачивают внимание на внутренней душевной жизни человека. Подобная система смыслов, связанных с культурной ментальностью и определенной идеологией эпохи, предполагает формирование новой, антропологически ориентированной философии, которая в социокультурном контексте по всем своим основным проблемам является оппозицией классическому рационализму. Она ставит своей целью заглянуть в экзистенциальный мир страдающего, переживающего, рефлектирующего и постоянно ищущего смысл жизни человека.

Такая философия является не только эмоциональной реакцией, но и осмыслением философских проблем человека через призму его субъективных переживаний. Она чутко реагирует на те социально-психологические и экзистенциальные контексты времени, которые были характерны для романтизма. Все идеи и переживания эпохи, духовную свободу и эмоциональную внутреннюю жизнь личности эта философия пытается отстоять в борьбе с рационалистическими и позитивистскими тенденциями времени. Романтики по-своему пытались диалектически взглянуть на мир, понять законы, лежащие в основе его развития. Этот мир романтики воспринимали как «художественный организм», как художественное произведение. Постичь этот мир можно было только при помощи интеллектуальной интуиции. Романтический литературно-философский дискурс как синтетическая система взглядов по философским, эстетическим, этическим проблемам, порождал новые смыслы, выражающиеся в концептах «ирония», «воображение», «универсум», «свобода» сконцентрировал все проблемы вокруг самоценной лично-

сти. Романтики заменили Разум воображением, истолковав его, как духовную и интеллектуальную силу.

Эпоха романтизма способствовала формированию национальных культур многих народов. Последовательно развиваясь во многих странах Европы, романтизм повсюду приобретал яркую национальную окраску, обусловленную конкретными историческими условиями и культурными традициями. В литературно-философском дискурсе романтиков индивидуальное, национальное, социальное резко разграничивались, при этом акцент делался на национальном «духе», «индивидуальности» наций. В таком разграничении большую роль играли социокультурные, ментальные и идеологические контексты различных европейских стран, но общие социокультурные контексты эпохи, накладываясь на них, рождали неповторимые разновидности национальных романтизмов.

В *третьем параграфе* «***Немецкая философия и формирование русского литературно-философского дискурса первой половины XIX века***» выделяется созидательная роль немецкой классической философии в русской культуре. Разумеется, на русскую философскую культуру в конце XVIII и начале XIX веков большое влияние оказывала вся европейская культура: английская, французская, но преобладающим влиянием обладала немецкая философско-эстетическая культура. В данном случае мы имеем в виду не прямое влияние и заимствование философской культуры, а специфический характер русской культуры, её способность воспринимать, перерабатывать те идеи и направления немецкой мысли, в которых она нуждалась в тот или иной период своего развития. Немецкая философская культура на протяжении нескольких столетий была одной из самых развитых, она отличалась высоким теоретическим уровнем.

В диссертации отмечается, что судьбы философских учений этих мыслителей в России были разными. Так, интерес к Канту отмечался в конце XVIII – начале XIX века, в первые десятилетия XIX века получили распространение идеи Шеллинга и отчасти Фихте. Сороковые годы были отмечены

влиянием учения Гегеля. Несмотря на сложный отечественный социокультурный контекст немецкая философия получала все большее распространение в России: в духовных академиях, в светских университетах, в неакадемической, «вольной» философской среде. Здесь каждый немецкий философ воспринимался по-разному. Русских мыслителей могли интересовать одни и не интересовать другие принципы и теоретические положения того или иного автора.

В диссертации подвергается анализу рецепция русской культурой философских идей Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. В духовно-академической среде И.М. Скворцов и С.С. Гогоцкий, в целом положительно оценивая философские идеи Канта, призывали критически к ним относиться, в частности, они утверждали. Некоторые представители духовно-академической среды были настроены весьма воинственно против философии Канта как якобы «безбожной». В университетской среде к философии Канта также относились по-разному. Например, ректоры Харьковского университета Т.Ф. Осиповский и Казанского университета Н.И. Лобачевский полемизировали с Кантом по вопросам априоризма и понимания пространства и времени как субъективных форм созерцания. Ректор Виленского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук Ян Снядецкий резко критиковал кантову философию, называя её «набором странных мыслей». Но были и последователи кантовой философии, особенно в Дерптском университете: физик Г.-Ф. Парот, И.В. Краузе, Ф.Д. Ленц, И.К. Моргенштерн и др. Но в целом, преобладало критическое отношение. Так, А.И. Галич, один из любимых преподавателей А.С. Пушкина, оценивал его философию как сложную и противоречащую здравому смыслу.

А.С. Пушкин был не только хорошо знаком с взглядами известных европейских философов, но и внутренне воспринимал те из них, которые наиболее согласовывались с его пониманием жизни. В оде «Вольность» основной темой была тема свободы, которая пройдет красной нитью через все творчество великого русского поэта. Кроме идеи свободы в творчестве Пуш-

кина, «любомудров» находят отражение идеи Канта об искусстве и поэзии, о «проблеме вечного мира», о рабстве, о нравственной природе человека и т.д.

Немалый интерес вызывала и философия Фихте. В диссертации судьба философских идей Фихте проявляется в диалоге с духовно-академической, университетской и «вольной» философией в России. Центром русского фихтеанства был Харьковский университет. Ряд работ профессора этого университета И.Б. Шада получил широкий резонанс в духовно-академической среде (например, епископ Иннокентий из Киевской духовной академии активно интересовался философией Фихте). Однако в академической среде было и весьма критическое отношение к философии Фихте (И.М. Скворцов, Ф.А. Голубинский и др.). Они старались найти философские обоснования православию, через вдумчивое прочтение как рационалистической немецкой философии, так и иррационалистической, представленной именами Я. Бёме, Ф. Баадера. Преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии и Казанского университета архимандрит Гавриил (Воскресенский) называл Фихте безбожником, так как считал, что, по Фихте, Бог существует только в Я, потому что Я мыслит о нем, воспроизводит его как высшую идею нравственного порядка в мире.

В университетской среде также было неоднозначное отношение к философским идеям Фихте. Из русских мыслителей первыми, обратившими внимание на философию Фихте, были московский профессор И.И. Давыдов и профессор Петербургского университета А.И. Галич, которые достаточно высоко оценивали самого Фихте, характеризуя его как человека необычайной силы и проницательности духа, а его «Наукоучение» как самостоятельную систему познания.

Не обошли своим вниманием философию Фихте и представители так называемой неакадемической философии. Прежде всего, это относится к представителям русской литературно-эстетической мысли: писателям-романтикам, любомудрам, революционерам-демократам: декабристу М.А. Фонвизину, А.И. Тургеневу, М.П. Погодину, А.С. Хомякову, И.В. Ки-

реевскому, В.Ф. Одоевскому и др. Популяризатором некоторых идей Фихте был Н.И. Надеждин. Особый интерес к философии Фихте проявил П.Я. Чаадаев, который в своих размышлениях сумел наиболее адекватно показать смысл, суть всей системы его философии и не сводил весь анализ её только к субъективному идеализму.

При формировании литературно-философского дискурса в России большое внимание уделялось философским взглядам Шеллинга. Духовно-академическую среду больше интересовал трансцендентальный идеализм Шеллинга: все его основные идеи рассматривались с точки зрения православия. Духовно-академическая философия в России отнеслась достаточно сдержанно к философии Шеллинга. Этого нельзя сказать об отношении к Шеллингу в неакадемической, «вольной» философии, которая характеризуется тем, что в ней ценностное преобладает над познавательным, та или иная философская система или идея привлекается для обоснования социально-политических, философско-исторических и нравственных идеалов различных общественных течений. Представители «вольной» философии больше всего в Шеллинге ценили не систематика Шеллинга, а вдохновенного поэта-мыслителя, творца художественных идей. Эта особенность личности философа и его системы привлекала к себе будущих писателей, критиков, переводчиков, теоретиков литературы. Например, его философия искусства и натурфилософия были более популярны среди писателей, литераторов, работников искусства; натурфилософия больше интересовала естествоиспытателей, которые, преодолевая эмпиризм, тянулись к теоретическому естествознанию. В университетской среде философия Шеллинга тоже приобретает своих поклонников, так как многие профессора-естественники, не порывая с религиозным мировоззрением, стремились к широким философским обобщениям.

Такая многоаспектность философии Шеллинга вела к тому, что его последователи могли быть и натурфилософами, и эстетиками, и идеалистами, и диалектиками, и даже феноменологами, или идти своим непроторенным пу-

тем, усваивая и перерабатывая его идеи. Главной особенностью рецепции философских идей немецкого мыслителя является не слепое подражание или копирование, а сознательный выбор тех или иных идей шеллингианской философии, их интерпретация в соответствии с собственным мировосприятием, с собственными философско-мировоззренческими ориентациями.

Русская культурная среда была весьма восприимчива к новым идеям философии Шеллинга, так как они отвечали её внутренним потребностям и устремлениям. Конец 30-х и начало 40-х годов XIX века характеризуются возникновением славянофильского и западнического крыла в русской культуре. Особенно важны и востребованы были идеи Шеллинга в становлении и развитии славянофильства, хотя и западники не были лишены влияния романтической философии Шеллинга.

Для нас важен и тот факт, что в 40-х годах XIX века в России проявляется все больший интерес и к философии Гегеля, оказавшей влияние на русских западников. Из представителей духовно-академического философствования можно выделить С.С. Гогоцкого, который хорошо ориентировался в системе гегелевского абсолютного идеализма и в истории философии. В целом, и представители духовно-академического философствования, и представители славянофильства развивали свое отношение к философии Гегеля в рамках эстетической, прежде всего, христианской или, другими словами, «религиозной парадигмы».

На этой почве в России сформировалась романтическая эстетика, которая подвергала критике эстетику классицизма. Представители романтической эстетики разработали свое понимание отношения искусства к природе, разработали теорию идеала, художественного обобщения, теорию художественного образа. Романтики претендовали на создание нового мировоззрения, новой философии, составным элементом которой была бы эстетика.

В диссертации отмечается, что предпринятый анализ рецепции немецкой философии в России говорит о том, что создаётся некий интеллектуальный и духовный контекст, в котором формируется мировоззрение филосо-

фов, писателей, литературных критиков. Немаловажное значение в этом процессе, принадлежало и личному опыту, личным связям. Все вместе формировало общественно-политические, историко-литературные, философско-литературные позиции творчески мыслящей интеллигенции. Можно отметить, что совершался диалог между немецкой и русской культурой, между немецкой философией и русской мыслительной традицией, между немецкой и русской литературами. В рамках этого диалога формировался русский литературно-философский дискурс, который способствовал осмыслению тех процессов, которые происходили в России.

Во второй главе «**Романтизм и культурно-исторические особенности русского литературно-философского дискурса начала XIX века: реализация диалога**» рассматриваются особенности культурного развития России в начале XIX века и роль писателей-романтиков в процессе формирования отечественной философской рефлексии. Поиски в созидании русского философского сознания привели мыслящую элиту России к духовной оппозиции тотальным влияниям немецкой философии. Данная оппозиционность вылилась в создание идейных платформ славянофилов и западников. Диалог между ними был полифоничным, конструктивным, в результате чего создавался благоприятный контекст для развития русской культуры.

В *первом параграфе* второй главы «***Литературно-философская и философско-антропологическая специфика русского романтизма***» рассматриваются различные подходы в исследовании русского романтизма, а также отмечается, что романтизм – это одно из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества.

На своеобразие русского романтизма повлияли как минимум два исторических контекста – это освободительная война 1812 г. и декабристское восстание 1825 г. Эти важнейшие события в русской культуре способствовали народному единению, патриотическому подъему. Романтики обращаются к старинной литературе и фольклору, в которых проявляется самобытность и народность нашей культуры. Вместе с тем, интерес к собственному народу и

его прошлому у романтиков сливается с интересом к истории и прошлому других народов. Без идеи народности в романтическом её понимании невозможно было бы представить ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни славянофилов, ни западников, ни Тютчева, ни Достоевского.

Романтический взгляд на мир характеризуется, прежде всего, противопоставлением действительности и мечты, того, что есть и того, что возможно. Они провозглашают бинарную оппозицию «мечта – действительность», которая становится важнейшим эстетическим принципом, характеристикой романтического искусства. Стремление к отрицанию действительности сказалось и на формировании философских концептов и представлениях романтиков. Разочарование в возможностях разума породило антирационалистические тенденции. Романтики или уходили в себя, создавая заново свой внутренний мир мечты и поэзии – и тогда рождался романтизм Жуковского, Новалиса, Вакенродера, или, не имея возможности изменить реальность, бунтовали против современного общества и выдвигали на первый план свободную и героическую личность (поэты-декабристы, Лермонтов). Это способствовало тому, что романтизм, формулируя свои концепты, явился главным критерием философизации искусства и литературы, что и предопределило тот факт, что русская литература, творчески переинтерпретировав немецкую философию и литературу, явилась своеобразным ответом на экспансию немецкой философии в России.

Обращение к истории, её мифологизация способствовали тому, что основы национальной культуры, её источники трактовались в романтическом ключе. В целом, романтики относились к истории достаточно свободно. Они весьма поэтично в соответствии со своими эстетическими принципами трактовали исторические факты, облекая их в форму преданий, сказок. Романтическое отрицание разума, действительности, создавало культ поэта, поэзии в целом, так как поэтическое чувство для них выступало средством познания истины. Соответственно, и роль поэта приобретала совсем иной смысл в таких условиях. Призвание поэта и художника они видели в служении великим

идеалам. Поэт – это и философ, и ученый, и провидец, и пророк. Поэтому характерной особенностью романтического сознания является преклонение перед искусством, поэзией, личностью поэта-творца.

Веневитинов, Шевырев, Пушкин, Кюхельбекер, представители так называемой «поэзии мысли» Боратынский и Тютчев обращались и переосмысливали наследие славянской архаики. Русские мыслители «романтизировали» и идеализировали христианство. Особенностью их романтического дискурса является новое прочтение и осмысление старых идей при помощи религиозно-поэтического языка. Поэтому их романтический художественно-эстетический дискурс отличается от рационально-философского дискурса немецкой классики. Культурно-исторические особенности русского литературно-философского дискурса предопределялись самой русской действительностью, тем контекстом эпохи, характеризующимся определенным уровнем развития общей культуры, который сложился в России к началу XIX века. Духовные поиски русской литературы, содержащиеся в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева и других романтиков, способствовали формированию нового подхода в рассмотрении свободной независимой личности.

Во *втором параграфе* «***Становление самобытного русского литературно-философского дискурса***» рассматривается духовный контекст, сложившийся в России в 20-30-е годы XIX века, когда постепенно начинает складываться национальная традиция, в результате чего появляется возможность формирования фундамента для создания оригинальной русской философии.

Таким основанием, на наш взгляд, и стал русский романтический литературно-философского дискурс, в рамках которого происходит осмысление «нас самих», «нашего места в мире» П.Я. Чаадаевым, И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем и др. Каждый из этих мыслителей внес свою лепту в формирование оригинальной, «самобытной» русской философии. Под термином «русская философия» в нашем исследовании

мы понимаем, прежде всего, начальный этап её формирования, связанный со становлением литературного романтизма в России первой половины XIX века. Оригинальность философской системы, на наш взгляд, заключается в её связи и взаимодействии с другими философскими системами, качественно отличающейся от них, способствующей приращению нового, более глубокого и конкретного знания. Это относится в первую очередь к своеобразному диалогу, рецепции идей из одной национальной культурно-мировоззренческой системы в другую и наоборот. Но оригинальность и самобытность русской философии проявляется и при рассмотрении исторической роли самой философии в жизни России. Тогда на первый план выходит проблема значимости того или иного философского учения для теоретического обоснования развития литературы, искусства, культуры в целом.

Русский литературно-философский дискурс породил новые философские смыслы, выраженные в концептах и представленные в поэтических и прозаических романтических текстах русских писателей, благодаря чему формируется новое национальное мировоззрение и самосознание. Отличительной чертой, особенностью формирования самобытного философского дискурса являлся тот факт, что русские писатели и поэты все философские проблемы, кардинальные мировоззренческие вопросы решали в своих произведениях, литературно-критических статьях, письмах, философской публицистике художественными средствами.

В литературно-философском дискурсе в России идеи «любомудров» о создании собственной национальной философии в определенный момент были подхвачены Чаадаевым. Благодаря его духовным поискам на первый план выдвинулись две основные линии, сыгравшие главную роль в формировании философского дискурса славянофилов и западников: первая линия «Чаадаев – Хомяков – Киреевский», вторая – «Чаадаев – Белинский – Герцен – Чернышевский». Писатели и философы одновременно обратились к собственной истории, к судьбе России, что свидетельствует о начавшемся процессе самосознания, самоидентификации. Но этот процесс был во многом возможен в рамках диалога культур России и Германии.

Немецкая философия привлекала русских мыслителей, прежде всего, тем, что она способствовала поискам целостного подхода к природным и общественным явлениям в своей натурфилософской части, своим вниманием к человеку, его мышлению и разуму, к осознанию роли личности в развитии общества. Она также давала возможность, используя диалектический метод, анализировать саму российскую действительность и, в конечном счете, наводила на мысль о необходимости «действования» (Герцен) теоретических положений. Вместе с тем, некоторые идеи немецкой философии совсем не удовлетворяли молодое поколение русских мыслителей, в частности, тезис немецкого идеализма о приоритете «чистого мышления» оказался в противоречии с социальной направленностью их теоретических поисков. К тому же отдельно взятые философские положения и формулы, вполне пригодные для объяснения развития западноевропейской культурной традиции, совсем не были пригодны для российской действительности, в частности, для русской литературы. Поэтому многие передовые убеждения формировались в ожесточенных спорах в различных литературных и философских кружках, на страницах журналов и альманахов, а не в тиши кабинетов. Ярким показателем этого процесса можно назвать творчество русских романтиков во главе с Жуковским и Пушкиным.

Освоив идеи йенского романтизма, раннеромантической эстетики, они пошли дальше, представляя в своих произведениях собственное понимание сквозных проблем раннего романтизма. В таких культурно-коммуникативных практиках и социокультурных контекстах формировалось творчество И.В. Киреевского. Его идеи послужили началом становления самобытного философского дискурса, особенностью которого явилась русская «образованность», как результат проникновения плодов западной цивилизации в русскую культуру, в рефлексии на философские, моральные, религиозные проблемы, в понимании им народности как источника развития отечественной культуры, а также обращение к духовной философии Святых Отцов. В становящемся философском дискурсе Киреевский формулирует вполне

оригинальные концепты («верующее мышление», «верующий разум», «цельность духа») и наделяет их определенными смыслами, сыгравшими важную роль в формировании славянофильского философского дискурса.

В *третьем параграфе* «***Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам немецкой классической философии***» анализируются теоретические поиски романтиков, связанные с философским осмыслением действительности, с осознанием собственной самобытности, с пониманием уникальности своих культурных задач и социальных условий.

Благодаря романтизму, как культурному явлению, появляется возможность осознать свои народные корни, свою историю, многовековые традиции. Русские романтики, в рядах которых были и будущие славянофилы и западники, считали вполне возможным осуществление их идеалов, но для этого необходимо создать свою национальную культуру, литературу, отойти от подражательности Западу. Философское «пробуждение» проходило в болезненном процессе национального и исторического «самонахождения».

Чаадаев сформулировал антитезу «Россия – Запад» и показал, чем же отличается, на его взгляд, развитие России от развития Запада, предложил идею о том, что русские могут строить свое будущее, используя исторический опыт народов Европы, и могут избежать их ошибок, повинуясь голосу просвещенного разума и сознательной воли. Его выводы явились концентрированным выражением формирующегося национального самосознания, а также тех процессов, которые происходили в русской культуре и связывались, прежде всего, с разделением общества на приверженцев разума и сторонников веры, на защитников индивидуальности и сторонников общинности, на проповедников гражданской жизни и жизни в народе. Этот «внешний» диалог с западной культурой носил еще опосредованный, подчиненный характер, можно сказать, что русская культура прошла «обучение» у Запада и, приобретая свое самосознание, задумалась над собственными, интересующими её вопросами.

Именно высшие нравственные ценности, которые вырабатывались в этом диалоге славянофилов и западников, соответствовали умонастроению представителей русской культуры и литературы, чье творчество было одухотворено христианскими традициями. В этом диалоге их усилия направлялись не на уничтожение друг друга, а способствовали взаимному духовному обогащению. Так, в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева и других ярчайших представителей русской литературы первой половины XIX века можно выделить общую со славянофилами методологию освещения как коренных вопросов бытия, так и различных явлений жизни. В их философско-литературном творчестве, связанном с духовно-эстетическими исканиями, разорванностью русской жизни, выражался менталитет русской культуры.

В качестве концептуальной оппозиции концепциям немецкой классической философии славянофилы положили в основу своего философского дискурса *идею православия, в контексте которой они и создавали свои тексты*, наделяя их новыми смыслами, которые отвечали определенному «духу» эпохи. Подвергая критике рационализм и индивидуализм в рамках литературно-философского дискурса, славянофилы разработали концепцию «соборности», которая предстает у них как общность людей, объединенных верой в православные ценности, которые гарантируют духовную ценность личности, свободу каждого и единство всех членов общества.

Культурный диалог между славянофилами и западниками, славянофилами и представителями «официальной народности», а также другими течениями общественной мысли России 40-50-х годов XIX века может быть назван *полифоническим диалогом*, в котором создается благоприятная почва для дальнейшего развития русской культуры. В её недрах формируется цельная, законченная историко-философская и социально-политическая доктрина. Славянофильская концепция представляет собой первый опыт создания русского общественного самосознания, становления его самобытных основ.

Диалог между славянофилами и западниками, славянофилами и представителями «официальной народности» – это и внутрикультурный (син-

хронный) диалог, и горизонтально-исторический (диахронный) диалог, разворачивающийся во времени собственной культурно-исторической традиции в виде «разговора» со своим прошлым. Все эти процессы, в конечном итоге, способствовали дальнейшей культурной самоидентификации России.

В третьей главе **«Российский литературно-философский дискурс первой половины XIX века: результат диалога»** анализируются виды литературно-философского дискурса, сформировавшиеся в России первой половины XIX века и явившиеся результатом диалога культур России и Германии.

В *первом параграфе* третьей главы ***«Влияние немецкой философии на формирование литературно-философского дискурса русской критики»*** рассматривается процесс активного формирования русской философской эстетики и на её основе – литературной критики и публицистики.

Этот процесс был связан, прежде всего, с творческими поисками русских писателей-романтиков, для которых создание философской лирики являлось первостепенной художественной задачей. Обоснование смысла и сути поэзии, связанной с философией, явилось основной причиной появления на свет русской философской эстетики, в которой затрагивались социальные и экзистенциальные пласты человеческого бытия. В диссертации отмечается, что в первой половине XIX века в русском литературно-философском дискурсе *критика выступала ведущей формой выражения эстетической мысли*, в отличие от развития немецкой критики, которая выполняла подчиненную роль. Романтиков интересовали как «вечные вопросы», так и проблемы соотнесения прекрасного с действительной жизнью. Романтическая эстетика формировала новые смыслы в понимании роли художника, художественной формы, эстетического восприятия, эстетических концептов, произведений искусства, формирования вкуса публики в коммуникативных практиках, социокультурных контекстах.

Постепенно перед русской эстетической мыслью вставала задача осмысления уже имеющегося художественного и философского опыта и фор-

мулирования уже совершенно новых, сообразующихся с контекстами времени задач. Русская философская эстетика развивалась в диалоге с немецкой эстетической мыслью, но не следовала буквально за ней, а находила свои пути развития. Это в первую очередь относится к переосмыслению ряда концептов немецкой эстетики и перенесением их на собственное художественно-теоретическое поле, прежде всего в сферу критики, занимавшую особое положение в проявлении «открытых эстетических законов» (Ю.В. Манн). В диссертационной работе отмечается, что немецкая философская эстетика была ориентирована на *отвлеченное знание*, в то время как русская эстетика связывала свои размышления с *конкретно-действенным бытованием идей* в России. В своих статьях критики представляли широкую панораму действительности и концептуальное осмысление жизни и роли человека в обществе. На этом основании литература обретает особое положение в обществе.

Многие представители русской культуры, видевшие в занятиях искусством единственную достойную цель, могли себя позиционировать как свободных людей. И в этом заключалась уникальная роль искусства в то время. В результате творческого переосмысления идей немецкой классической философии в рамках диалога культур русские мыслители пришли к идее первостепенного развития критики по отношению к поэзии, в отличие от немецкой критики, которая возникала на основе поэзии и прозы. Это главная методологическая установка использовалась в творчестве поэтов-любомудров, С.П. Шевырева, В.Г. Белинского, И.В. Киреевского и др. Русские критики, прежде всего в лице Н.И. Надеждина, И.В. Киреевского, В.Г. Белинского формировали в рамках диалога с немецкой культурой русский литературно-критический дискурс, в котором анализировались новые смыслы и понятия самобытности, народности, деятельности художника, исторического развития искусства.

Киреевский выдвигал идею обретения национального самосознания и создания русской философии. Первостепенную роль в этом процессе призвана была сыграть литература, которая должна вобрать в себя всю русскую

жизнь, знания, философию. В стремлении к выявлению сущностных черт русской культуры и поиска места в ней искусства, он искал философскую сущность творчества в произведениях А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Е.А. Боратынского, Н.М. Языкова. В.Г. Белинский в литературно-критическом дискурсе формулирует основные задачи «истинной эстетики», сущность которой сводится к идее связи теории и действительности, к рассмотрению искусства, которому надлежало быть связанным с жизнью. Искусство должно развиваться в рамках существующего художественного дискурса, охватывающего философские, литературные, исторические, политические и религиозные смыслы.

Представления немецких мыслителей (Шеллинг, йенские романтики) о прекрасном как эманации абсолютной и вечной идеи породили в русском литературно-критическом дискурсе два разных смысла. В первом считалось, что в природе нет идеи прекрасного, а есть только в творениях художников (И. Кронеберг, Н.А. Мельгунов), второй содержал вывод, что природа сама по себе прекрасна и красота – есть гармония, в которой проявляет свое творчество дух (Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский). Человек и действительность также прекрасны сами по себе. Поэтому, провозглашая эстетическую ценность жизни, действительности, Белинский шел против идеи немецких романтиков об имманентности художественной красоты и против эстетического идеала Шеллинга.

Во *втором параграфе* «***Реинтерпретация немецких философско-эстетических идей в художественном дискурсе русских поэтов-романтиков***» отмечается, что в результате критического диалога культур Германии и России в произведениях русских поэтов-романтиков создаются новые смыслы самоидентификации личности, а также формируется национальный характер искусства. Одной из отличительных черт русского литературно-философского дискурса является христианский гуманизм, выраженный в форме светского искусства. Такой вывод объясняется во многом тем, что русская литература смогла схватить, отрефлексировать идеи немецкой

классической философии, прежде всего потому, что русское мировоззрение было к этому подготовлено русским православием.

Одна из основных идей немецкой классики – гуманистическая идея в виде христианского разума – раскрывается в качестве всеобщего разума. Подъем русской культуры проявлялся в стремлении познать христианского бога философски и в этом осознать самих себя. В русской культуре поиски «всеобщей истины» осуществлялись в рамках литературно-философского дискурса и были связаны с реинтерпретацией как его отличительной чертой, философско-эстетических идей немецкой классической философии в творчестве поэтов-романтиков. В нашем представлении *реинтерпретация* – это уточнение, изменение и порождение нового смысла и значения первоначально осмысливаемой и интерпретированной информации, это определенный метод одновременного существования в рамках определенной традиции и её преодоления, изменения, дополнения.

Основной системой смыслов в художественном дискурсе первой трети XIX века явилась философская поэзия, исследующая экзистенциальные основания человеческого бытия, как результат диалога литературы и философии. Если у немцев поэзия – героиня философии, то у русских – философия выступала героиней поэзии. Русская поэзия и проза являются «философскими», потому что «исследуют» глубины человеческого бытия и формой веры, и формой разума. Поэтому философская поэзия рассматривается в диссертации как особая форма философствования, направленная на познание сущности бытия и духовного мира личности, но специфическими средствами. Русская философская поэзия, являясь формой вольной, то есть неуниверситетской, неакадемической философии, поднимала такие вопросы бытия, которые либо мало, либо вообще не интересовали академическую и университетскую философию. Это были общемировоззренческие вопросы, рассмотренные сквозь призму художественной интуиции. В художественном дискурсе поэтов-романтиков Д.В. Веневитинова, Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова в результате реинтерпретации идей немец-

кой классической философии формулируются собственные, оригинальные образы и концепты, выраженные в художественных текстах и погруженные в речевые и культурно-коммуникативные практики и разнообразные контексты.

В противоречивом соотношении концептов, представленных в стихотворных текстах, «человек – природа», «человек – душа» выражается мировоззренческая позиция Ф.И. Тютчева о беспредельности человеческой души, которая в то же время является тенью природы. В художественном дискурсе Тютчева, например, концепт *времени* интерпретируется отлично от понимания его Шеллингом. Если у Шеллинга время – это проявление мирового духа, а поэт только отражает бытие вещей во времени, то Тютчев вкладывает иные смыслы в концепты времени и пространства. Время, олицетворяющее жизнь природы, бесконечно и конкретно, а человек в движении времени беспомощен и беззащитен. Отсюда вполне объяснимо пессимистическое настроение многих поэтов-романтиков. В концепты «жизнь», «смерть», «день», «ночь» русские романтики в своих художественных текстах вкладывают отличные от немецких смыслы и связывают их с теми контекстами, в которых они формируются. Жизнь не только миг, но и трагедия. В результате осознания неразрешенных противоречий жизни, личность должна слиться с природой, но она этого сделать не может. День – это светлый мир, а ночь – это темный мир. Романтиков больше привлекал темный мир.

Русский романтизм, как преемник многих философских идей немецкой классики, сыграл огромную роль в формировании пушкинского поэтического дискурса, в котором шел внутренний диалог с европейской культурой. Он был связан с осмыслением бытия, жизни человека, с устремленностью к его темным сторонам и болезненным проявлениям человеческой природы, а также с осмыслением роли искусства, роли поэта и поэзии. Этот диалог был разомкнут в будущее и способствовал становлению русской национальной литературы и философии.

В художественном дискурсе Лермонтова, сформированном в трагическом контексте эпохи, но в тоже время в гуманистической вере, прослежива-

ется много размышлений о ненависти и любви, об идеале и действительности. Его мироощущение трагично по своей сути. Оно становится философской и психологической доминантой его творчества. Так, его концепт личности, рассматриваемый в различных произведениях, приобретает характер отчужденной личности. Впервые Лермонтов рассматривает личность не только на уровне экзистенциального бытия, но и на уровне социального бытия.

В результате диалога культур в художественном дискурсе русских поэтов-романтиков формируется смысл зарождающегося национального характера искусства и намечается процесс самоидентификации личности.

В *третьем параграфе* «***Диалогическая природа русской философской прозы первой половины XIX века***» анализируется процесс становления художественного дискурса философской прозы. В 30 – 40-е годы XIX века отмечается своеобразная «переориентация» писателей в сторону прозы. В связи с этим в поле зрения романтиков попадают прозаические произведения немецких писателей – Новалиса, Гофмана и др. Размышления о сущности мира, о месте человека в нем, анализ действительности способствовали формированию художественного дискурса, представленного прозаическими текстами романтиков. В диссертации утверждается, что в результате критического диалога с немецкой литературой и философией рождалась отечественная философская проза как своеобразное и специфическое явление русской философии.

Основным принципом литературно-философского дискурса русских прозаиков явилось стремление писателя выразить при помощи художественного вымысла собственные принципы мышления и отношения к миру и бытию. В философской прозе воплощается система ценностей личности, её мира. Постепенно художественный дискурс русских прозаиков становится более философичным, теоретически и социально заостренным, что способствует, по мнению любомудров, стиранию границ между философией и литературой.

Общественно-политические и идеологические контексты «постдекабристской эпохи» способствовали поиску новых ориентиров, идеалов, миро-

воззренческих оснований, стремлению к самопознанию и проникновению в сущность бытия новыми художественными средствами. Особенностью художественного дискурса русских романтиков в этот период явилось авторское изложение в доступной форме собственных философских поисков, вылившихся в создание философского романа и философской повести. В диссертации утверждается, что проза немецких романтиков основывалась на отвлеченных идеях философии истории (у Ф. Шлегеля и Новалиса – свобода человеческой личности, у Шеллинга – развитие всего человечества). В отличие от них, русские романтики в центр художественного произведения ставили действительность и жизнь отдельного человека. Доказывается мысль, что в литературно-философском дискурсе русских писателей романтические концепты наполняются новыми смыслами (например, концепт «безумия» художника). Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» является ярким примером художественного дискурса, в котором заключена авторская бескомпромиссная критика прошлого и настоящего, связанная с анализом дисгармоничности и разорванности человеческого бытия и соединенная с верой в будущее, которое представляется писателю-мыслителю как нравственная и социальная гармония.

Художественно-прозаические дискурсы Пушкина, Лермонтова и Гоголя используют различные системы смыслов, выраженных в концептуальной форме: Пушкин способствовал созданию русского «метафизического языка»; Лермонтов исследовал бездны человеческой сущности и стремился приобщить читателя к глубинам собственной души; Гоголь вносил натуральность в изображении действительности, а так же формулировал концепт «маленького человека». Весьма философичен художественный дискурс Герцена, так как именно философичность становилась главным принципом формирования его художественного образа. В центре его размышлений становится человек, который борется за свои права и который предстает в виде автобиографического героя со своей рефлексией. Так писатель в своем прозаическом произведении в художественных образах выражает философскую идею.

Русская философская проза становится единством познания и действия, художественного и философского осмысления мира, выражением иррационально-психологических и экзистенциальных пластов человеческого бытия.

В **заключении** обобщаются результаты, формулируются окончательные выводы и указываются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Липич Т.И.Философско-литературный диалог в культурном пространстве России и Германии I половины XIX века: монография / Т.И. Липич. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 255 с. (12,5 п.л.).

2. Липич Т.И. Современный взгляд на проблему пушкинского романтизма / Т.И. Липич // Научные исследования: информация, анализ, прогноз : колл. монография под общ. ред. О.И. Кирикова. – Книга 2. – Воронеж, 2004. – С. 51-62 (0,8 п.л./ 0,5 п.л.) (в соавторстве).

3. Липич Т.И. Становление философской методологии русского романтизма / Т.И. Липич // Философия, Вера, Духовность: истоки, позиция и тенденции развития : колл. монография под ред. О.И. Кирикова. – Книга 13. – Воронеж, 2007. – С. 149-163 (0,8 п.л.).

4. Липич Т.И. Романтические традиции в контексте художественного мировоззрения славянофилов / Т.И. Липич // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития : колл. монография под ред. О.И. Кирикова. – Воронеж, 2008. – Кн. 16. – С. 100-111 (0,6 п.л.).

5. Липич Т.И. Эстетика: Учебное пособие / Т.И. Липич. – Белгород, 2004. – (5,5 п.л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

6. Липич Т.И. Методологический аспект изучения романтизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 2. – Ростов н/Д., 2005. – С. 118-120 (0,5 п.л./0,4 п.л.) (в соавторстве).

7. Липич Т.И. Философско-эстетические искания любомудров / Т.И. Липич // Фундаментальные и прикладные исследования. – Вестник БУПК. – № 1(15), 2006. – С. 32-41 (0,5 п.л.).

8. Липич Т.И.. Диалог светской и религиозной культуры / Т.И. Липич // Личность. Культура. Общество : Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т.VIII. – Специальный выпуск 1 (33). – М., 2006. – С. 286-293 (0,5 п.л. / 0,3 п.л.) (в соавторстве).

9. Липич Т.И. Художественно-эстетическое постоянство романтического концепта А.С. Пушкина / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. Белгород, 2007. – № 9 (40). – Вып. 2. – С. 70-81 (0,5 п.л. / 0,4 п.л.) (в соавторстве).

10. Липич Т.И. Философско-литературный диалог в контексте культурного процесса в России первой половины XIX века / Т.И. Липич // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов н/Д., 2008. – С. 81-84 (0,5 п.л.).

11. Липич Т.И. К характеристике славянофильства / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2008. – № 8 (48). – Вып. 4. – С. 151-158 (0,5 п.л.).

12. Липич Т.И. Русское романтическое шеллингианство I половины XIX века / Т.И. Липич // Вестник Тамбовского университета. Серия Гумаинтарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 8 (76). – С. 134-137 (0,5 п.л.).

13. Липич Т.И. Рецензия на сборник «А. Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2008. – № 14 (54). –. Вып.6. – С. 220-224 (0,4 п.л.).

14. Липич Т.И. Проблема специфики русской философии начала XIX века в историко-философской науке / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2009. – № 2 (57). –. Вып.7. – С. 24-34 (0,8 п. л.).

15. Липич Т.И. Диалог как форма взаимодействия культур / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2009. – № 10(65). – Вып. 9. – С. 44-50 (0,6 п. л.).

16. Липич Т.И. Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам классической немецкой философии / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2010. – №14 (85). – Вып. 13. – С.5-13 (0,5 п. л.).

17. Липич Т.И.. Вопросы литературы к философии / Т.И. Липич // Человек. – М., 2010. – № 2. – С. 150-158 (0,8 п. л. / 0,5 п. л.) (в соавторстве).

18. Липич Т.И. Литература и философия – две формы национального самосозиания / Т.И. Липич // Ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки: Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2011 – №2. – С.22-26 (0,5 п.л.).

19. Липич Т.И. Литературно-философский дискурс и проблема диалога культур // Научные Ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Белгород, 2011. – № 2 (97). – Вып.15. – С.25-33 (0,8 п.л.).

публикации в научных журналах и сборниках:

20. Липич Т.И. Философский аспект восприятия и эмоционально-эстетической оценки действительности романтическим героем Байрона и Лермонтова / Т.И. Липич/ Английская литература в контексте мирового литературиого процесса : тезисы докладов V междунар. конф. ученых-англистов. – Пермь, 1995. – С. 37-38 (0,3 п.л. / 0,2 п.л.) (в соавторстве).

21. Липич Т.И. Эволюция русского байронизма / Т.И. Липич // Английская литература в контексте философско-эстетической мысли : материалы VI Междунар. конф. английской литературы. – Киров, 1996. – С. 143-144 (0,3 п.л. /0,2 п.л.) (в соавторстве).

22. Липич Т.И. Проблема отчуждения в русской литературе XIX в./ Т.И. Липич // Сб. студенческих работ. – Белгород, 1998. – С. 46-47 (0,2 п.л./ 0,1 п.л.) (в соавторстве).

23. Липич Т.И. Проблема свободы в творчестве Пушкина / Т.И. Липич // Сборник студенческих научных работ. – Белгород, 1999. – С. 35-37 (0,3 п.л./ 0,1 п.л.) (в соавторстве).

24. Липич Т.И. Идея творческой свободы в системе пушкинской поэзии / Т.И. Липич // К Пушкину сквозь время и пространство : сб. статей. – Белгород, 1999. – С. 16-21 (0,5 п.л.).

25. Липич Т.И. Духовной жаждою томим... / Т.И. Липич // Христианство и русская культура : сб. тезисов и материалов науч.-практ. конф. – Белгород, 2000. – С. 37-40 (0,3 п.л./ 0,2 п.л.) (в соавторстве).

26. Липич Т.И. Философия рационализма и романтическая идея рока в драме М.Ю. Лермоитова «Маскарад» / Т.И. Липич // Современная социально-философская культура: проблемы рационального и внерационального : материалы Междунар. науч. конф. 17-18 мая 2002 г. – Белгород, 2002. – С.70-74 (0,4 п.л./ 0, 3 п.л.) (в соавторстве).

27. Липич Т.И. Ф.М. Достоевский и религия / Т.И. Липич // Духовное возрождение : сб. научных и научно-прикладиых трудов. Вып. XI. – Белгород, 2002. – С. 6-10 (0,4 п.л./ 0,3 п.л.) (в соавторстве).

28. Липич Т.И. Толстой о смысле жизни и современность / Т.И. Липич // Духовное возрождение : сб. научных и научно-прикладных трудов. Вып. XI. – Белгород, 2002. – С. 10-14 (0,4 п.л./ 0,3 п.л.) (в соавторстве).

29. Липич Т.И. Концепция «истинной романтики» в эстетическом мировоззрении А.С. Пушкина / Т.И. Липич // Духовное возрождение. – Вып. XV. – Белгород, 2003. – С. 82-95 (1 п. л./ 0,6 п.л.) (в соавторстве).

30. Липич Т.И. Вектор художественно-эстетической эволюции Пушкина-романтика / Т.И. Липич // Актуальные проблемы социологического знания. – Вып. XXIII. – М.: Прометей, 2003. – С.110-123 (0,8 п.л. / 0,5 п.л.) (в соавторстве).

31. Липич Т.И. Человек перед лицом смерти / Т.И. Липич // Духовное возрождение. – Вып. XVII. – Белгород, 2003. – С.205-210 (0,4 п. л./0,3 п.л.) (в соавторстве).

32. Липич Т.И. Концепция происхождения человечества в творчестве писателей-изотеристов / Т.И. Липич // Концепция происхождения человечества в творчестве писателей-изотеристов. – Духовное возрождение. – Вып. XVII. – Белгород, 2003. – С.210-215 (0,4 п.л. /0,3 п.л.) (в соавторстве).

33. Липич Т.И. Н.Н. Страхов и славянофилы / Т.И. Липич // Творческое наследие Н.Н. Страхова и социально-гуманитарная мысль : материалы междунар. конф. – Белгород, 2004. – С.31-36 (0,4 п. л.).

34. Липич Т.И. Творческая эволюция пушкинского романтизма / Т.И. Липич // Духовное возрождение. – Вып. XVIII. – Белгород, 2004. – С. 64-81 (0,5 п.л.).

35. Липич Т.И.. Философско-литературная парадигма в русской лирике первой половины XIX века / Т.И. Липич : материалы XI Харьковских международных Сковородиновских чтений 24-25.09. 2004. – Харьков, 2004. – С. 169-175 (0,5 п.л. /0,3 п.л.) (в соавторстве).

36. Липич Т.И. Эстетические взгляды и художественная концепция А.С. Пушкина/ Т.И. Липич // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества : материалы регион. науч. конф. – Белгород, 2004. – С. 20-32 (0,5 п.л./ 0,3 п.л.) (в соавторстве).

37. Липич Т.И. Становление философско-эстетической системы раннего русского романтизма. Т.И. Липич / Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества : материалы регион. науч. конф. – Белгород, 2004. – С.32-40 (0,5 п.л.).

38. Липич Т.И. Философия масонства / Т.И. Липич // Духовное возрождение. – Вып. XXI. – Белгород, 2004. – С.172-179 (0,4 п. л. /0,3 п. л.) (в соавторстве).

39. Липич Т.И. Русский романтизм в контексте русско-немецких литературно-философских связей / Т.И. Липич // Международный философский конгресс. – Т. 2. – М.: МГУ, 2005. – С. 141-144 (0,4 п.л.).

40. Липич Т.И. К вопросу о станавлении философско-эстетической культуры в России начала XIX века/ Т.И. Липич // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 29. – М., 2005. – МПГУ – С. 158-162 (0, 5 п. л.).

41. Липич Т.И. О создании «философского настроения» в России / Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 32. – М., 2005. – МПГУ. – С.153-157 (0,4 п.л.).

42. Липич Т.И. Философские тенденции в русской литературе начала XIX века / Т.И. Липич // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 34. – М., 2005. – МПГУ – С.138-142 (0,5 п.л.).

43. Липич Т.И. Русская философская поэзия как явление духовной культуры / Т.И. Липич // Культурно-цивилизационные основы развития современного российского общества в условиях глобализации : сб. материалов ежегодной всерос. науч. конф. – Белгород, 2006. – С.141-148 (0, 4 п.л.).

44. Липич Т.И. Антропологическая философия русских романтиков / Т.И. Липич // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма : материалы Всерос. науч. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч.1. – С.115-118 (0,4 п.л.).

45. Липич Т.И. Формирование основ философско-эстетической культуры в воззрениях писателей-любомудров / Т.И. Липич // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 35. – М., МПГУ, 2006. – С. 141-148 (0, 5 п.л.).

46. Липич Т.И. Философская поэзия любомудров и Шеллинг / Т.И. Липич // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. Выпуск № 38. – М., 2007 С.98-105 (0,5 п.л.).

47. Липич Т.И. Романтизм как «жизненная философия» славянофилов / Т.И. Липич // Н.Н. Страхов и русская культура XIX – XX века: к 180-летию со дня рождения : материалы междунар. науч. конф. – Белгород, 2008. – С.82-86 (0,5 п.л.).

48. Липич Т.И. Романтизм в общественном сознании и культуре I половины XIX века / Т.И. Липич // Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук : материалы II междунар. науч. конф. памяти С. Н. Булгакова. – Орел, 2008. – С. 64-72 (0,5 п.л.).

49. Липич Т.И. Романтические тенденции в философско-литературном наследии А.С. Хомякова / Т.И. Липич // Хомяковские чтения – 2008: новые исследования в области религиозной и нравственной философии А. С. Хомякова : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тула, 2008. – С. 61-66. (0,4 п.л. /0,3 п.л.) (в соавторстве).

50. Липич Т.И. Русская философская поэзия первой половины XIX века как форма познания сущности бытия и человека/ Т.И. Липич // Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук : материалы III междунар. науч. конф. памяти С. Н. Булгакова. – Орел, 2009. – С.50-56 (0, 5 п. л.).

51. Липич Т.И.. К вопросу о формировании национальных особенностей романтического мышления русских писателей I пол. XIX века / Т.И. Липич // Переясловская Рада: её историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации; по материалам IV междунар. науч.-практ. конф. 9-11 декабря 2009 года. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2010 – С. 96-100 (5 п.л.).

52. Липич Т.И. Диалог культур как взаимное самопознание и самоутверждение/ Т.И. Липич // Проблемы Российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начало : материалы междунар. конф. ИФ РАН. М. – Белгород, 2010. – С. 177-182. (0,4 п.л.).

53. Липич Т.И. Философия и литература – формы национального самосознания / Т.И. Липич // Шестые Страховские чтения: Философские проблемы понимания в науке и в культуре : междунар. науч. конф. – Белгород,2010. – С.44-47 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 24.05.2011. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ 100.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

10-2